

УДК 343.2

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ

Ю. А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рассматриваются проблемные вопросы, связанные с квалификацией деяний, совершенных группой лиц по предварительному сговору. Подробно анализируются два наиболее сложных вопроса, возникающих в судебной практике при применении правил квалификации преступлений, совершенных в данной форме соучастия.

Ключевые слова: *соучастие в преступлении, формы соучастия, группа лиц по предварительному сговору.*

Институт соучастия в преступлении в целом представляет собой одну из наиболее проблемных сфер для уголовно-правовой доктрины и правоприменительной практики. Один из аспектов этой проблематики, характеризующийся особенной сложностью, это квалификация преступления как совершенного группой лиц по предварительному сговору. Исследованию данного вопроса (и смежных с ним) посвящено немало публикаций в специальной литературе. Так, например, Ю.А. Клименко отмечает, что при уголовно-правовой оценке соучастия нередко допускаются ошибки, обусловленные неверным установлением формы соучастия¹. При этом анализ этих публикаций приводит к выводу о том, что есть два максимально обсуждаемых вопроса относительно группы лиц по предварительному сговору. Первый вопрос связан с квалификацией преступлений, в совершении которых участвовало одно лицо, обладающее признаками субъекта преступления, и лицо, в силу недостижения возраста уголовной ответственности либо в силу невменяемости не подлежащее таковой².

Другой вопрос, представляющийся не менее значимым как для теории, так и для правоприменительной практики, это квалификация

¹ Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 112 – 121 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Яни П.С. Квалификация групповых хищений в судебной практике // Законность. 2016. № 1. С. 40 – 45 // СПС «КонсультантПлюс»; Мелешко Д.А. Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 4. С. 57 – 65 // СПС «КонсультантПлюс»; Шеслер А.В. Исполнитель преступления // Lex russica. 2016. № 11. С. 71 – 76 // СПС «КонсультантПлюс».

преступлений, совершенных двумя или более лицами, при отсутствии признаков группы в том ее толковании, которое дано Верховным Судом РФ. Данный вопрос подробно анализирует, в частности, Д.М. Молчанов³.

Относительно первого вопроса, справедливо отмечается имеющаяся рассогласованность в правоприменительной практике. П.С. Яни применительно к квалификации групповых хищений, в частности, пишет: «сложен и пока однозначно не решен в судебной практике и в теории уголовного права вопрос о квалификации хищения, совершенного лицом, подлежащим уголовной ответственности, совместно с лицом, такой ответственности не подлежащим в силу недостижения указанного в законе возраста (ст. 20 УК), невменяемости или иных обстоятельств, например ошибочного представления относительно характера своих действий (ч. 1 ст. 28 УК), совершения соответствующих действий под принуждением (ст. 40) и т.д.»⁴ Д.А. Мелешко вообще указывает на то, что решение вопроса о квалификации преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности, зачастую зависит от правоприменительной практики, сложившейся в конкретном субъекте РФ⁵.

Причины подобной рассогласованности в решении достаточно значимого и нередко встречающегося в правоприменительной практике вопроса во многом связаны с динамикой позиции Пленума Верховного Суда РФ.

Так, высшая судебная инстанция до 2000 г. включительно усматривала наличие соучастия, а, значит, и соответствующие квалифицирующие признаки в независимости от того, что некоторые из участников таких деяний не обладали признаками субъекта преступления. То есть, применение норм о соучастии признавалось возможным, если в совершенном деянии участвовало одно деликтоспособное лицо наряду с неделиктоспособным. В частности, в абзаце втором п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» указывалось, что действия участников группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости,

³ Молчанов Д.М. Актуальные проблемы уголовного права: Общая часть: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. С. 88.

⁴ Яни П.С. Указ. соч. С. 40 – 45.

⁵ Мелешко Д.А. Указ. соч. С. 57 – 65.

либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР, или по другим предусмотренным законом основаниям⁶.

В последующее десятилетие в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ прослеживалась противоположная позиция. При этом в принимаемых вновь Постановлениях она в одних случаях выражалась напрямую: «необходимо иметь в виду, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия»⁷. А в других случаях новое Постановление просто не содержало ранее имевшего место указания на возможность применения норм о соучастии в подобных случаях. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», которое отменило упомянутое выше от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании», не была включена рекомендация о квалификации изнасилования, совершенного совместно с лицами, которые не подлежат уголовной ответственности, как группового.

В 2010 г. из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 были исключены разъяснения о том, что к исполнителям хищения следует относить только тех лиц, которые согласно ст. 19 УК подлежат уголовной ответственности за содеянное. В судебной практике последующих лет суды ссылаясь на это изменение нередко квалифицируют хищения, совершенные одним исполнителем с признаками, названными в ст. 19 УК, совместно с лицом, признанным затем невменяемым, по признаку «совершенное группой лиц по предварительному сговору».

Конкретизируя мотивировку принимаемых решений в части способности, например, невменяемых вступать в предварительный сговор суды, в частности, указывают на то, что действия лиц носили согласованный характер, они готовились к совершению преступления, между ними имело место распределение ролей⁸. Иногда также

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу).

⁸ Постановление Московского городского суда от 18 мая 2011 г. № 4у/4-3223 // СПС «КонсультантПлюс».

отмечается внешняя адекватность действий лица, не подлежащего в силу невеняемости уголовной ответственности⁹.

В чем причина подобных изменений позиции Верховного Суда относительно столь значимого вопроса? Представляется, что в попытке балансировать между логикой, вытекающей из законодательной конструкции норм о соучастии, с одной стороны, и желанием справедливо дифференцировать ответственность и индивидуализировать наказание для лиц, обладающих признаками субъекта преступления в описываемых случаях, с другой стороны.

Буквальное толкование текста ст. 32 и 35 УК РФ приводит к выводу о том, что совершение преступления группой лиц с предварительным сговором - это одна из форм соучастия, а соучастие, в свою очередь – это умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Таким образом, совершение преступления одним лицом, способным осознавать общественную опасность своего деяния, предвидеть возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желать их наступления (то есть действовать с прямым умыслом), наряду с лицом, к которому данные конструкции не применимы, не позволяет говорить в данных случаях о соучастии в преступлении. Следует отметить, что судебная практика, основанная на этом подходе, встречается и нередко¹⁰.

В то же время, при обосновании повышенной уголовной ответственности за преступления, совершенные в соучастии традиционно приводится аргумент о том, что совместными действиями нескольких лиц облегчается совершение преступления, усиливается восприятие опасности посягательства потерпевшими и т.п. А ведь эта аргументация сохраняет свою актуальность независимо от того, обладают ли признаками субъекта преступления все лица, совместно совершающие общественно опасное деяние. И вот подобные соображения, очевидно, и лежат в основе рекомендаций вменять групповое совершение преступления тому единственному лицу, которое в данных ситуациях обладает признаками субъекта преступления, дабы усилить его ответственность и отразить повышенную общественную опасность совершенного деяния. В связи с изложенным, видится насущная необходимость единообразного решения данного вопроса. Для этого, во-первых, следует закрепить в соответствующих Постановлениях Пленума ВС РФ позицию об отсутствии соучастия в

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 13-010-3 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 июля 2011 г. по делу № 1-842/10; Апелляционное определение Московского областного суда от 13 июня 2013 г. по делу № 22-3857/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

таких случаях. Во-вторых, предусмотреть в уголовном законе их отнесение к числу квалифицированных видов соответствующих преступлений. Такое предложение высказывает П.С. Яни: «использование подлежащим ответственности лицом (независимо от того, осознает ли оно соответствующие обстоятельства) при совместном с ним совершении действий, содержащих состав преступления, лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу названных в ч. 2 ст. 33 УК причин, законодателю следовало бы отнести к квалифицирующим признакам преступления, не уступающим по степени общественной опасности применению в целях усиления поражающей мощи посягательства оружия либо предметов, используемых в качестве оружия¹¹.

Второй проблемный вопрос, отмеченный в начале статьи – это ограничительное толкование Верховным Судом РФ понятия «группа лиц по предварительному сговору». Как в Постановлениях Пленума ВС¹², так и в решениях по конкретным делам¹³ высшая судебная инстанция указывает, что группу лиц по предварительному сговору могут образовывать лишь два или более соисполнителя.

Данная позиция традиционна и для уголовно-правовой доктрины. Д.М. Молчанов, анализируя причины подобного единства в теории, отмечает, что ученые и правоприменители исходят, очевидно, из того, что понятие группы лиц по предварительному сговору должно толковаться с учетом положений ч.1 ст.35 УК РФ, где говорится о группе лиц без предварительного сговора и прямо указывается на необходимость соисполнительства для данной формы соучастия¹⁴. Вместе с тем, есть и авторы, которые отстаивают иную позицию по данному вопросу. Так, Н.Г. Иванов отмечает, что деяние должно быть квалифицировано как совершенное группой вне зависимости от выполняемых соучастниками ролей¹⁵. Интересно, что и в судебной практике судов первой инстанции есть решения, которые основаны на признании необязательности факта соисполнительства для вменения признака группы лиц по предварительному сговору (которые изменяет в

¹¹ Яни П.С. Указ. соч. С. 40 – 45.

¹² Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», п.10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2006 г. №35-о06-15. URL: <http://online.lexpro.ru/document/162034>.

¹⁴ Молчанов Д.М. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ Иванов Н.Г. Критерии разграничения преступных группировок // Российская юстиция.1999. № 5. С. 15.

этой части Верховный Суд РФ)¹⁶. Данная позиция представляется обоснованной по ряду оснований. Во-первых, совершение преступления в соучастии предполагает большую степень общественной опасности посягательства, как уже отмечалось применительно к первой рассмотренной в статье проблеме. Далее, если в совершении преступления умышленно совместно участвуют два или более лица, из которых только один является исполнителем, а другие – иными соучастниками (организатором, подстрекателем, пособником), то это, безусловно, порождает соучастие в преступлении. Следующая логическая предпосылка состоит в том, что когда законодатель в ст.35 УК РФ формулировал признаки четырех форм соучастия, он, по всей видимости, имел в виду возможность соучастия только в одной из этих форм. Представим достаточно распространенную ситуацию, когда есть организатор или подстрекатель к преступлению, исполнитель данного преступления и пособник. Оптимальным примером является уголовное дело о нападении на художественного руководителя балетной труппы Большого театра Сергея Филина (кстати, по данному делу в приговоре суда как раз констатировалось, что ведущий солист балетной труппы и организатор преступления Павел Дмитриченко, исполнитель Юрий Заруцкий и водитель Андрей Липатов (пособник) «виновны в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью группой лиц по предварительному сговору»). Однако, если следовать позиции Верховного Суда РФ, то данный признак вменен необоснованно и данной формы соучастия в силу наличия лишь одного исполнителя преступления здесь нет.

Таким образом, получается, что в таких случаях факт соучастия налицо, а вот никакой формы соучастия нет (при отсутствии признаков организованной группы и преступного сообщества). То есть, ни при квалификации преступления, ни при назначении наказания (с учетом исчерпывающего перечня обстоятельств, отягчающих наказание в ст.63 УК РФ) никоим образом невозможно отразить повышенную опасность посягательства и усилить ответственность соучастников.

Парадоксальный, но действительно вытекающий из изложенного вывод формулирует Д.М. Молчанов: «Понимание группы лиц по предварительному сговору как соисполнительства может основываться лишь на совершенно противоположном тезисе: *соучастие в преступлении не всегда свидетельствует о повышенной степени общественной опасности содеянного*»¹⁷.

¹⁶ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2008 г. № 72-П08. URL: http://uristu.com/library/sud/verhsud_big_39741/.

¹⁷ Молчанов Д.М. Указ. соч. С. 91.

Но ведь совершенно очевидно, что подобные ситуации и единоличное совершение преступления – это разные по степени опасности деяния. С учетом изложенного представляется необходимой корректировка Верховным Судом позиции по данному вопросу. Признание возможности соучастия в форме группы лиц по предварительному сговору без обязательного наличия соисполнителей в должной степени отразит повышенную общественную опасность такого рода посягательств.

Рассмотренные вопросы не исчерпывают всей проблематики, связанной с квалификацией групповых преступлений. Однако, с очевидностью свидетельствуют о том, что Верховный Суд не всегда выполняет функцию внесения единообразия в судебную практику и толкования норм уголовного закона в соответствии с волей законодателя.

Список литературы

1. Иванов Н.Г. Критерии разграничения преступных группировок // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 15.
2. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 112 - 121.
3. Мелешко Д.А. Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 4. С. 57 – 65.
4. Молчанов Д.М. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть: учебное пособие. М.: Проспект, 2017.
5. Определение Верховного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 13-010-3 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 18 июля 2011 г. по делу № 1-842/10 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2006 г. № 35-о06-15. URL: <http://online.lexpro.ru/document/162034>.
8. Апелляционное определение Московского областного суда от 13 июня 2013 г. по делу № 22-3857/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Московского городского суда от 18 мая 2011 г. № 4у/4-3223 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2008 г. № 72-П08. URL: http://uristu.com/library/sud/verhsud_big_39741/.

15. Шеслер А.В. Исполнитель преступления // *Lex russica*. 2016. № 11. С. 71 – 76.

16. Яни П.С. Квалификация групповых хищений в судебной практике // *Законность*. 2016. № 1. С. 40 – 45.

THE ISSUE OF QUALIFICATION OF CRIMES COMMITTED BY GROUP OF PERSONS UPON A PRELIMINARY COLLUSION

Y. A. Dronova

Tver State University

Discusses the problematic issues connected with qualification of the acts committed by group of persons by prior agreement. Analyzes in detail the two most complex issue arising in judicial practice in the application of rules of qualification of crimes committed in this form of complicity.

Keywords: *complicity in the crime, forms of complicity, a group of persons upon a preliminary collusion.*

Об авторе

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – канд. юр. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dron_u75@mail.ru.

DRONOVA Juliya - PhD, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: dron_u75@mail.ru

Дронова Ю.А. К вопросу о квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2017. № 3. С. 53 – 60.